

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
Выпуск 5

Москва
2004

Содержание

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

Л. В. Максимов

О субъективистских течениях в современной философии морали	3
--	---

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

Публичное пространство и реальная политика. Беседа Сергея Земляного с академиком РАН Абдусаламом Гусейновым	16
<i>С. Н. Земляной</i>	
Этика Бертольта Брехта.....	37
<i>А. В. Прокофьев</i>	
Подвижная ткань межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х.Арендт)	53
Рецензия на книгу Б.Г.Капустина «Моральный выбор в политике» и хрестоматию «Мораль в политике» (сост. и отв. ред. Б.Г.Капустин).....	74

ИЗВИНЕНИЕ И ПРОЩЕНИЕ

Предисловие к публикации	82
<i>Т. Гуяве</i>	
Прощение и непростительное	86
Рецензия на книгу Ренате Ратмайр «Прагматика изменения»	109

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В.И. Лазаренко

Онтологическая основа благополучия совершенного государства Платона	120
--	-----

П.А. Гаджикурбанова

Специфика стоической трактовки добродетели (понятие «надлежащего по обстоятельствам»).....	128
---	-----

О.В. Кирьязов

Предтеча цивилизационного синтеза.....	143
--	-----

С.Н. Земляной

Феноменология и этика	172
-----------------------------	-----

Об авторах.....	200
-----------------	-----

**Рецензия на книгу Б. Г. Капустина
«Моральный выбор в политике» и хрестоматию «Мораль в политике» (сост. и отв. ред. Б. Г. Капустин)**

Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике: Учебное пособие. — М.: КДУ; МГУ, 2004. — 496 с.

Мораль в политике: Хрестоматия / Пер с фр., англ., нем., исп., чешск. Составл. и общ. ред. Б.Г.Капустина. — М.: КДУ; МГУ, 2004. — 480 с.

Книжный дом «Университет» в содружестве с Издательством Московского университета по инициативе Московской школы социальных и экономических наук и под эгидой Национального фонда подготовки кадров предприняли масштабный издательский проект серии книг учебного характера «Политический разум и практика политики». Как заявляют авторы серии, ее задача — «представить современные разработки ключевых проблем, с которыми сталкивается политическая теория в основных своих областях».

Представляемые книги являются почти первыми в серии¹. Можно предположить, что серия, задуманная Б.Г.Капустиным и осуществляемая под его руководством, и должна была открываться его книгами, что, замыслив серию, он уже имел свой личный задел для нее и т.д. Но все ситуативно-праксеологические предположения в данном случае фактически теряют значение в свете тематической определенности данных книг. Их заглавную тематику (программно сформулированную именно таким образом: не «мораль *и* политика», а «мораль *в* политике») по сути дела можно считать ключевой для всей серии и, несомненно, она не может не считаться таковой при взгляде со страниц «Этической мысли».

Если не брать работ самого Б.Г.Капустина, касающихся заглавной темы, и некоторых публикаций классических работ западных политических философов, появившихся в последнее время, отечествен-

ная литературная ситуация в отношении к проблематике морали и политики безрадостна. Даже принимая во внимание, что муссирование дилеммы «морализирование — политизирование», свойственное советскому обществоведению, во многом ушло в прошлое (хотя и не окончательно, в той мере, в какой сохраняются и элементы советского обществоведения...), — все-таки обсуждению темы «мораль и политика», насколько это обсуждение еще вообще происходит, свойственны морализирование и недостаток реализма. Оправданное и как будто ожидаемое вменение моральных требований политике нередко оборачивается прекраснотушением, с одной стороны, и негодованием, с другой. Основная причина этого, думается, заключается не только в том, что философы-моралисты, как правило, занимающиеся этой проблематикой, плохо знают практическую политику, но и в том, что политика и политики призываются к ответу по меркам наиболее возвышенной, перфекционистской и уже поэтому далекой от политики и практической жизни морали. Мораль навязывается политике в ее идеальной и бескомпромиссной, но не прагматически (в кантовском смысле) адаптированной форме. Таково наследие советской этики, которая в той мере, в какой она была марксистской, была идеально ориентированной, а в той, в какой стремилась к фундаментальности и философичности, была кантианской. Аристотелианские тенденции, имевшие место в этических исследованиях советского времени, так же, как и кантианские, не были подвергнуты модернизирующей реконструкции и таким образом адаптированы к современному этическому дискурсу.

Капустин как хрестоматией, так и учебным пособием (написанным с фундаментальностью, свойственной более жанру монографии) явно бросает вызов обрисованной традиции. Обе книги интересны тем материалом (не только в хрестоматии, но и в учебном пособии) и обсуждениями (не только в учебном пособии, но в хрестоматии), которые предлагает читателю Капустин. Но привлекательны и «сами по себе» — как воплощение замыслов, их конструктивное, если не сказать *интеллектуально-инженерное*, обустройство и их выражение в тексте. Капустин, вроде бы, не стилист в том смысле, что стиль, способы выражения и используемая лексика не становятся отдельным, тем более самостоятельным, продуктом его исследовательской работы. Но тем не менее тексты его таковы, что, кажется, захватывают читателя не только идеями и аргументацией, но и тем, как высказываются эти идеи и как выстраивается эта аргументация.

Специально надо сказать о хрестоматии. Вниманию читателя предлагается, говоря модным языком, изысканная инсталляция, благодаря которой в едином дискурсивном пространстве оказались со

единенными Фанон и Сартр, Че Гевара и Лукач, Ганди и Нибур, Гавел и Аренд. Почти все тексты впервые изданы на русском языке, а некоторые из авторов, например Фанон или Че Гевара, до сих пор вообще были известны русскому читателю либо косвенно, либо односторонне. По большому счету это относится и к Лукачу, фигуре первой величины на философском небосклоне XX века, совершенно недостаточно известной у нас. Лукач, соединивший в себе разные мыслительные традиции, и ассоциирующийся для большинства с неортодоксальным марксизмом, существенно расширил философско-политический и, шире, интеллектуальный спектр хрестоматии; не случайно его статьи и письма, помещенные в книгу, сопровождаются отдельно данным комментарием С.Н.Земляного.

Учебное пособие «Моральный выбор в политике» выстроено в виде курса лекций, и в этом смысле вполне спокойно. Однако его проблематика и его жанр интригующе конфликтны. Как учебное пособие книга представляет собой курс лекций, структурирована по тематике лекций и вводит студента (в самом широком смысле этого слова) в круг основной проблематики. Но для учебного пособия книга вызывающе дискуссионна и сфокусирована на проблеме, которая по характеру обсуждения взламывает формальные рамки как названия, так и жанра: *что делает мораль в политике, или как она участвует в политике*.

Обсуждением этой проблемы открывается предисловие Капустина к хрестоматии. Он начинает с того, что ставит под вопрос само восприятие проблемы, закрепленное в лексическом клише «мораль и политика». Правомерность конъюнкции им аргументированно опровергается. И в самом связывании морали и политики он видит опасность. Что подразумевается под такой связкой? Во-первых, то, что мораль должна оценивать политику по собственным меркам? — Но такого рода оценки либо бессмысленны, либо банальны. Во-вторых, то, что мораль должна идти в политику и руководить ею? — Но, как замечает Капустин, при «последовательном осуществлении этой связи мораль становится террористическим законодательством, а политика — практическим применением террора»². По существу же, претензии морали на руководство политикой непрактичны: мораль и политика — разные способы мышления и действия. Мораль есть нечто универсальное, замечает Капустин, иначе она окажется всего лишь этосом. Политика же — средоточие частных интересов, обнаруживающихся ситуативно, в конфликтах по поводу более или менее частных обстоятельств, опосредствованно к которым конкретные индивиды и понимают свой долг и свое счастье. Задавая универсалистский масштаб мышления и действия, мораль, по сути, дезавуирует

значение и смысл той социальной практики, которая и есть политика; не случайно последовательные и возвышенные моралисты в политике, будь то Гавел, Ганди или Маркс приходили к выводу о неизбежном отмирании политики. В-третьих, под связкой «мораль и политика» имеют в виду то, что мораль преобразовывает политику, беря на вооружение ее средства: чтобы противостоять безнравственной и грязной политической силе, мораль сама должна стать силой, чтобы противостоять силе неразумия. Тонко и весьма в духе перфекционистской логики морального мышления Капустин замечает, что «моральное рассуждение — признак не моральных (уже), а только стремящихся быть моральными людей, а потому — по определению — в чем-то неморальных»³, а потому мораль, как выражение неопределенности, не может быть руководством политики.

При том, что выведение на белый свет различий, имеющих или возможных, в понимании самой постановки проблемы «мораль и политика» представляет интерес, меня — находящегося на площадке «Этической мысли» — при чтении этих разборов не покидала мысль, что сама мораль берется в несколько одностороннем виде, как универсальная мораль, причем универсальность мыслится неопределенно, во всяком случае, не непременно как характеристика только нравственного требования, причем именно в векторе его адресации, но и императивность морали оказывается различной на различных уровнях самой морали, и т.д. Но меньше всего здесь можно было бы заподозрить автора в поверхностности (а что есть неразличение особенностей как не проявление поверхностности); ведь он представляет или реконструирует трактовки проблемы. Это в хрестоматии данные подходы к проблеме даны умозрительно, — в учебном пособии они развернуты в анализе позиций Сократа, Канта и Бентама. Так что предположение о неоднородности морали само по себе есть результат обобщения относительно поздних теоретических прорывов в моральной философии. И чтение работ Капустина — рецензируемых здесь, а прежде и других — вызывало у меня мысль, что осмысление неоднородности морали и оказалось возможным на почве более тщательного анализа места морали в системе культуры и ее роли в социуме, в частности, анализа *опасности* тех связей, которые могут возникать между моралью и политикой.

Во Введении к учебному пособию Капустин четко, буквально по пунктам дает понятие морали⁴, которым он по преимуществу оперирует в своих рассуждениях. Это понимание морали — если не кантианское, то кантиански обусловленное, — вводится в специфическом для такого понимания контексте, в котором имена Гоббса или Геге

ля, называемые или подразумеваемые, явно доминируют. Такая идейная контаминация симптоматична и заслуживает внимательного отношения, хотя бы потому, что она возникает при обсуждении морали и политики исследователем с иной, чем привычная для нас, предметно-дисциплинарной идентичностью.

Как политический философ Капустин репроблематизирует главную тему своих книг: хотя речь и идет о морали, но о морали не в ее отношении к политике, а о морали в политике; а уж каким после этого считать контекст его рассуждений — философско-этическим или политико-философским, — значения не имеет. Он однозначно отмежевывается от предполагаемой философской этикой позиции стороннего или, точнее, беспристрастного наблюдателя и занимает противоположную позицию — «участника политической жизни», также наблюдающего и оценивающего, но не с позиций «трансцендентных» критериев, а «в конкретном историческом контексте».

Эта методологическая диспозиция существенна в соотношении с той теоретически-литературной ситуацией, которая сложилась у нас еще с 1960-х годов вокруг проблемы «мораль и политика». Хотя наши философы и критиковали «абстрактный гуманизм» и выступали за конкретно-исторический подход, последний сводился к классовому, который в конечном счете тоже является разновидностью этического кантианства. Но Капустин, как мы знаем и по другим его публикациям и выступлениям, выступает и против тех сторонников политической конкретики, для которых отказ от «морализирования» означает одновременно и вынос морали далеко за рамки политики. Теоретические и, шире, историко-философские истоки этой позиции Капустина достаточно отчетливы. Однако как позиция в существующем у нас раскладе философских мнений новационна и, по крайней мере, отдельна, особенна.

Методологический разворот, который Капустин не только декларирует, но и осуществляет в своих лекциях, содержит еще один интересный момент. В антикантианском движении автор специфицирует локус морали: это не та универсальная (по Канту) или приоритетная (по Хэару) мораль, в субординации к которой оказываются все феномены общественной жизни. Роль, которую мораль играет в политике, определяет сама политика, подчеркивает автор, и тем самым он указывает, что в той мере, в какой мораль является общественным феноменом, она не может не быть политической моралью, она не может не определяться в отношении политики, т.е. в пространстве конфликтов и власти. Но одновременно автор говорит совершенно определенно, прямо формулируя в виде тезиса, что роль морали в политике состо-

ит в «критике существующего», «мораль есть поиск и обоснование на уровне долженствования альтернативы статус-кво». С помощью морали же определяются цели политических действий. И вместе с тем мораль обладает в политике свойствами причинности», что, значит, оказывается, пусть и в частности, «способностью определять конкретные стратегии политических субъектов». При такой диспозиции уже невозможно более придерживаться традиционных представлений о морали и политике как конфликтующих или взаимодействующих, но тем не менее обособленных сфер общественной практики или ценностных систем. Требуется принять иную картину, в которой мораль, политика, управление, а может быть, и что-то еще, суть элементы некоего целого, в котором они могут функционировать, скорее всего, опосредованно друг другу. Это неизбежно политико-философская картина. Ее действительное устройство читателю предстоит еще открыть из содержания составляющих книгу лекций.

В книге Капустина «Моральный выбор в политике» интригует не только кажущееся несоответствие между жанром и теоретическим содержанием книги. Текст в целом внутренне драматичен. Автор как будто тормозит читателя, чего-то недоговаривая, а что-то проговаривая там, где этого обычный «серьезный читатель» ждать не может. Книга устроена почти классически в том смысле, что она состоит из трех частей. Однако их идейно-теоретическая композиция лишь поначалу может показаться традиционной. Знакомство же с текстом обнаруживает явную неординарность книжного устройства, изящно осуществленного автором.

Первая часть — посвящена истории мысли. Но это и не история мысли в привычном смысле того слова; это меньше всего — проветривание архива. Капустин еще не раскрыл своих карт. Но представляя трех мыслителей — Сократа, Бентама, Канта, а рядом с ними и по поводу них еще других (Аристотеля, Блэкстона, Локка, Декарта и др.), он критически-полемиически (по отношению к традиции комментирования) реконструирует некие базовые подходы к вопросу соотношения (взаимной роли, взаимодействия) политики и морали. С этими подходами он уже работает во второй, теоретической части. Но и в первой — выбором персонажей и тем Капустин трансформирует сам политико-моральный дискурс, устанавливая по своим критериям действительную и значимую для него предметность политической философии и этики. Не касаясь множества блестящих мыслей и наблюдений, которыми наполнена вся книга, приведу для примера, казалось бы, второстепенную в контексте заглавной темы, но примечательную характеристику, которую дает Капустин нравоведению. Представляя

Канта, он вводит свое понимание нравоучения: это наставление «нас в той морали, которая соответствует существующим порядкам». Нравоучением занимается Кант. Какова природа нравоучения? — «Нравоучение есть повествование о бессильном должном, которое стремится — или изображает такое стремление — внушить нам необходимость руководствоваться этим должным при выборе поступков». И далее: «Должное делает бессильным не противоречие фактам действительности или неразумным страстям души. Напротив, если должное вступило в такое противоречие, значит у него есть сила противоречить, пусть ещё не реализованная в действии, разрешающем это противоречие. Как раз признак бессилия должного — неспособность противоречить фактам и страстям, приводящая к стремлению их не замечать»⁵. Не говоря о том, что само по себе такое определение оригинально и емко, оно проецирует рассуждение автора к содержательно определенному историко-философскому контексту традиции, концептуально оформленную благодаря открытию Ф. Ницше феномена resentment.

Книга называется «Моральный выбор в политике». У политика и практически ориентированного читателя, не заглянувшего в оглавление, это название скорее всего должно рождать ожидание рассуждения о перипетиях политического мышления, политических ситуаций и политических действий. Фактически предметом авторского рассуждения являются политические идеи и политические теории, высказывавшиеся политическими мыслителями (изредка политиками), в частности, возможно, наблюдавшими за реальными политическими событиями и тенденциями. Несомненно, идеи, высказываемые политическими философами, могут быть отнесены и к достоверным данностям политической реальности. Но это достоверные данности особого рода (какого, предстоит определить). И они отличаются от тех данностей, которые фиксирует сознание (исследование), наблюдающее за политической реальностью как таковой. Это методологическое обстоятельство, достаточно приоткрываемое автором, заслуживает особого внимания.

В целом должен сказать, что Капустин своими новыми книгами еще раз подтвердил тот высокий класс политико-философского рассуждения, который свойствен ему и как исследователю, и как автору. Капустин — ученый не просто высоко эрудированный и вдумчивый (а это встречается у нас не так часто, в особенности сегодня, в ситуации интеллектуальной перемены, из которой мы никак не выберемся), но и тонко мыслящий, т.е. специалист в самом лучшем смысле этого слова. Эти книги нужно прочитать, желательно не спеша и, ко-

нечно, утилитарно-пользовательски — хотя бы для дежурной ревизии собственных пониманий, не только политико-философских, но и этических.

Р. Г. Апресян

Примечания

- ¹ *Поляков Л.В.* Основы политического консультирования. М.: КДУ; МГУ, 2004.
- ² Мораль в политике: Хрестоматия. С. 6.
- ³ Там же. С. 8.
- ⁴ *Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике. С. 13.
- ⁵ Там же. С. 117.